

Муки творчества

У меня зазвонил домофон.
- Кто говорит?
Стон...

Вот, сколько лет прошло с тех пор, как дедушка Корней Чуковский написал свои бессмертные строки, а в них изменилось всего пять букв. Сама ситуация так и осталась совершенно дурацкой. Стоит только сесть за работу, как тут же появляется тысяча мелочей, мешающих эту самую работу сделать. Одна из них – проклятый домофон.

Я – писатель. Нераскрученный. Очень талантливый. Все вокруг об этом говорят. И жена, и соседи по гаражу, и... всех и не упомяну.

Чтобы при жизни попасть в классики, нужно сочинить нечто классическое. Для этого я взял отпуск, отправил семью к теще, а сам каждое утро после поллитровой чашечки кофе сижу за компьютером и старательно тыкаю в клавиатуру двумя указательными пальцами. Попеременно. Уже три страницы натыкал. Осталось сто девяносто семь. Такое чувство, что до конца отпуска наваять нетленку, скорее всего, не успею. Два дня осталось.

А тут еще этот домофон. Я знаю про хитрую кнопочку, с помощью которой можно отключить звонок. Но сегодня это невозможно – обещал прийти сантехник. Обещал в своем обычном стиле – что придет обязательно, в течение дня. Правда, конкретный день не уточнил, вот я и жду его вторую неделю.

И все эти недели домофон исправно выполняет свою главную функцию – отрывает меня от стола, чтобы дать возможность пообщаться с потенциальными читателями моей книги, которую я из-за них не могу написать.

Стон, донесшийся из трубки, мог означать все, что угодно. Человека на том конце только что зверски умертвили. Вирус Эбола в ком-то развился до финальной стадии. Мне подключили новую услугу – секс по домофону. Сосед Григорьич сумел дойти от пивнушки до дома, и даже сумел потыкать пальцем в цифирки, но не угадал с номером квартиры. Последнее самое правдоподобное. Потому что не в первый раз.

Поэтому я не нажал кнопку открывания входной двери, а вернулся за стол и, собрав мысли в кучу, продолжил печатать: "...блеснул в мускулистой руке Педро. Дон Грегорио упал на землю, зажимая рану в животе". Подумал, и исправил "землю" на "лужу". Не люблю я соседа.

А всё потому, что у меня очень легкий номер. Сто одиннадцать. Ко мне идут, как шли ходоки к еще одному известному дедушке. Круглые сутки.

По ночам обычно спрашивают Свету. Или закурить. Или просто просят открыть дверь, потому что писать на открытом воздухе нашим выпившим интеллигентам стыдно. Они же городские, им природу жалко. А жителей нашего подъезда – не жалко.

Свету и закурить спрашивают одинаково хриплые и мрачные голоса. Такими обычно разговаривают наемные убийцы, мафиози и продажные копы.

Интеллигенты говорят на правильном литературном, обильно цитируют Олдриджа, Вергилия и Достоевского, через слово шумно сморкаются и просят прощения, которого я им не даю.

И те и другие в моих рассказах гибнут как гуси - стаями.

Ранним утром звонят уборщицы, уверенные, что раз уж они вышли на работу, то и мне спать противопоказано. Каждый мой новый рассказ начинается с загадочного убийства уборщицы. Наверное, это у меня вырабатывается собственный писательский стиль.

Следом появляется бессмертный Григорьич, возвращающийся с ночной смены. Я не знаю, где он работает и почему только в ночную смену. И знать не хочу. Я хочу знать, почему он никогда – я уверен в этом! – не звонит себе домой. Может, не хочет в такую рань будить супругу? Она ведь не я – станет ругаться.

Потом наступает блаженство – два или даже три часа никто не беспокоит. Ну, если не считать вызванных врачей, полицейских и спасателей. Все они направляются, нет и тени сомнений, к Григорьичу, поэтому совершенно логично, что звонят именно мне. Я в ответе за Григорьича. Он – мой крест. А я даже не знаю, в какой квартире он живет, да и вообще – в нашем ли подъезде! И самого Григорьича я никогда не видел. Хотя уже успел жесточайшим образом убить во всех своих четырех рассказах.

С одиннадцати часов в подъезд начинают ломиться цыганские таборы, менеджеры по продажам,

сбежавшие с уроков школьники и всё те же мучающиеся недержанием интеллигенты, не добежавшие до нашего подъезда ночью. Интересно, где они бродили столько времени?

Все отрицательные персонажи в моих рассказах – цыганские менеджеры, сбежавшие с уроков в туалет.

Я выстукал еще одну фразу: "Мороз сковал воду в луже, покрывая тело Дона Грегорио толстой ледяной коркой". Пусть помучается.

Новый звонок оторвал меня от компьютера.

- Дядя Петя, откройте, пожалуйста! Я ключ забыла!

Открою, не волнуйся. Тот день, когда студентка Людочка не забудет ключи, я отмечу в календаре красным фломастером и стану ежегодно праздновать наравне с государственными праздниками.

В моей книге Людочку крадут прямо со свадьбы, увозят на Багамы и продают в рабство негритянскому олигарху. Но она и оттуда умудряется звонить мне по домофону. Иногда мне хочется покончить с ней так же, как и с Григорьичем – резко и жестоко. Но я себя останавливаю – всё-таки интересно, как у нее сложится с олигархом?

В прошлом рассказе я – то есть, главный положительный герой – две страницы курил, глядя, как Людочка в свадебном платье висит внутри жерла действующего вулкана, из последних сил цепляясь маникюром за раскаленные камни. И, с удовольствием слушая мольбы о спасении, по одному разгибал ее усталые пальчики.

Ближе к вечеру пойдут плотным косяком пенсионеры-дачники, дружно забывшие ключи на своих фазендах. Я взрываю их целыми автобусами, пускаю под откос электрички, топлю круизные лайнеры, плотно набитые лысыми старичками в панاماх и старушками в резиновых ботах, но меньше их не становится.

И еще один вопрос мучает меня с того самого дня, как был установлен домофон – уважаемые соседи! Ну, забыли вы ключи на даче-работе-учебе-у друзей (нужное подчеркнуть). Ну, открыл я вам дверь в подъезд. А как вы без ключей к себе домой попадаете?! Вот это – Загадка, а не какой-то там феномен Большого Взрыва!

Я не упоминаю религиозных проповедников всех мастей и волонтеров, собирающих сведения для рейтингов и опросов лишь по причине их нерегулярности. Эти у меня обычно уползают в кусты, раненные смертельно. Их дальнейшей судьбой я из врожденной доброты не интересуюсь. Может, и выживают.

Сюжет слегка застопорился. Ну, лежит Дон Грегорио в замерзающей луже. Ну, стирает на Багамах набедренную повязку олигарха прекрасная Люсьен, она же Людочка. Рыдая и заламывая руки, естественно. Ну, летит главный положительный герой на сверхскоростном самолете над бурными водами океана в поисках жилья, не оборудованного домофоном. Нет экспрессии. Нет новизны. Нет жертвы.

Тут снова запищал домофон. Я бросился к нему.

- Кто говорит?

Домофон помолчал, будто удивившись моей прыткости, сказал невнятно:

- Эта... картофель оптом. От мешка и выше. Продукт от производителя. Без этого... ГМО... прости господи... каждый пятый мешок по цене третьего...

Вот оно!

Я промычал в ответ нечто неопределенное, повесил трубку и рванул к компьютеру, стараясь не отстать от появившихся мыслей. Сел и застучал всеми указательными, помогая средними:

"Из-за угла, пронзительно визжа резиной по мокрому асфальту, вылетела машина, груженная мешками с картошкой. На самом деле каждый пятый мешок был под завязку набит пакетами с героином. А каждый третий – кокаином. Это прибыла подмога, на которую уже не надеялся умирающий Дон Грегорио. Из кабины выскочили двое молодцов с автоматами наперевес. Ночную тишину двора патриархального Багамска разорвали звуки выстрелов. Пули летели во все стороны, сбивая иней с цветущих авокадо. Одной из шальных очередей перерезало пополам синьора Гудини, прогуливавшегося со своей собакой Пальмой. Перепуганная Пальма потащила за поводок верхнюю часть Гудини. Нижняя осталась лежать на детской площадке, нелепо суча ногами".

Отлично! Теперь у главного героя появилось важное дело:

"Но Педро не смутился. Он выхватил заржавевший без работы револьвер и начал стрелять в приехавших бандитов. Первый умер сразу. Второй попытался укрыться за мешками, но пули сорок пятого калибра со стальным сердечником пробивали их насквозь, вылетая с другой стороны и рикошета с жутким визгом. Вскоре все было кончено. Педро пнул ногой умершего лже-торговца картофелем и сурово сказал Дону Грегорио:

- Никто не спасет твою черную душу от справедливого возмездия.

- Будь ты проклят, Педро,- прохрипел из-под корки льда Дон Грегорио"...

На этом месте сюжет снова застопорился. Я с надеждой прислушался, но домофон почему-то не звонил. Может, картофель привезли десять бандитов? Нет. Тогда в револьвере не хватит патронов, а я всегда стремился к реализму.

Я перечитал написанное. Как же я забыл про Люсьен?! И снова застрочил, как пулемет Дегтярева:

"Это была любимая набедренная повязка жестокого и самолюбивого негритянского олигарха Анвара Али, сколотившего состояние продажей нефти и алмазов на центральном рынке Багамска. Но Люсьен умудрилась разорвать ее тридцать квадратных сантиметров на британский флаг.

- Боже!- воскликнула она, ломая себе руки,- он снова убьет меня! Надо бежать! Скорее! Охрана смотрит телевизор – там сейчас сто одиннадцатая серия "Рабыни тоже смеются". Выход из бунгало никто не охраняет!

Девушка, вытирая вспотевшее от счастья лицо остатками набедренной повязки, бросилась к выходу. Вот она – заветная дверь! Но счастье мгновенно сменилось отчаянием – на выход, как и на вход, здесь тоже стоял домофон"...

Я пошел на кухню, сварил кофе и принялся ходить по коридору как настоящий писатель – туда и обратно. Говорят, ходьба помогает. Если не творчеству, то пищеварению.

Гениальных мыслей было так много, что лучше бы их не было совсем. Я быстро запутался в них и дальше шагал уже без мыслей. За окном сгущался сумрак. Сантехник снова не пришел.

А, собственно, существует ли сантехник в реальности? Я задал себе этот вопрос и удивился. Действительно, мы знаем, что он есть, при этом никогда его не видели. С богом та же проблема. Может, бог и сантехник – один и тот же персонаж? Одни верят в бога, я – в сантехника. Не написать ли мне философский трактат, нечто вроде "Водка и сантехник. История жертвоприношений"?

Тут и раздался очередной звонок домофона.

Я снял трубку, привычно спросил:

- Кто там?

В трубку тяжело и шумно подышали, потом грустный мужской голос сказал:

- Прошу прощения. Это Дон Грегорио. Ничего, не отвлекаю?

Я остолбенел, потеряв дар речи.

- Такое дело,- помолчав, продолжил собеседник,- я тут в луже лежу. Замерз, обледенел. Вы не могли бы меня уже убить? Все равно я подлый и аморальный тип. Заслужил, признаю. Но лежать в луже, к тому же, весь покрытый льдом – это, согласитесь, чересчур.

- А...а... а...

- Раньше вы меня намного быстрее убивали. В первом рассказе вообще сразу после уборщицы. Во втором – отравили омарами уже на второй странице. В третьем, честно говоря, страницу не помню, но тоже практически мгновенно – атомной бомбой в домофоне, код активации сто одиннадцать. А в последнем, пусть и сбросили в жерло вулкана, но зато я и появился в самом конце. А сейчас лежу в грязной луже посреди этого идиотского Багамска... кстати, вы в курсе, что на Багамах лужи никогда не замерзают? Что эти острова вообще-то находятся в тропиках? Что это вообще – острова?

- Э... э... э...

- Я так и думал,- совсем грустно сказал Дон Грегорио.- За сочинительством и почитать некогда. Справочники, словари, энциклопедии... да что я говорю? Зачем это вам, дорогой автор? Глупости, право слово.

- А можно мне сказать?- вмешался в разговор кто-то еще.- Эта... жестоко вы со мной. А я, между прочим, не вам одному картошку... а тут героин, кокаин. Да если б у меня и вправду был мешок с

героином! Эх!

- Молодой человек, не уводите беседу в криминал,- строго прервал его Дон Грегорио.- И вообще, вас убили быстро и без садизма, так что скажите спасибо и помолчите.

- Эта... спасибо, конечно...

- А меня в рабство продал,- обиженно сказала Люсьен.- Третий рассказ неграм трусы стираю. Потом нелепо гибну. Можно для разнообразия продать меня хотя бы пиратам? Куда-нибудь в восемнадцатый век, где нет этих проклятых домофонов. Так хочется сбежать!

- Милая моя, так ведь в этих домофонах вся проблема! Автор помешан на них. Вот, смотрите – атомная бомба в домофоне, все двери с домофонами, меня расстреливают из базуки, когда я ищу в карманах электронный ключ. Даже секретные бумаги лежат в сейфе, закрытом на домофон!

Я откашлялся и несмело возразил:

- Ну почему? Это же детектив – борьба хорошего с плохим...

- В вашем конкретном случае это борьба плохого с ужасным. И не спорьте. Даже на самолете вашего положительного Педро стоит домофон. Уважаемый автор – у вас пунктик.

- А еще он старость не уважает!- сурово сказал некто в панаме – я увидел это даже через домофон.

Трубка взорвалась хором негодующих голосов, я едва не оглох.

- Не знает, чем мы на рынке торгуем! Коноплю от укропа не отличает!- загомонили сразу несколько старушек.- Электричку под откос пустил – сколько клубники зазря пропало!

Я лишь пожимал плечами и жалобно мекал сереньким козликом.

- Ни разу Свету не позвал,- перекрыл старушечий гвалт хриплый прокуренный голос.- Пятый год как человека прошу – позови. Курить не угощает. Зато в рассказах, как только не умерщвлял...

- Да не живет тут никакая Света!- завопил я в отчаянии.- И не было ее здесь никогда! Даже в гости не заходила! И не курю я уже семь лет! А вы всё ходите и ходите...

- Странно. Номер квартиры совпадает.

- А номер дома?! А улица? Город?! Не пробовали у самой Светы адрес уточнить?!

- Дамы и господа! Спокойствие! Собственно, я здесь не за тем, чтобы выяснять адрес какой-то дамы. У меня конкретный вопрос к писателю – сколько мне еще лежать в луже посреди города живым, но смертельно раненым? Так ведь и заболеть недолго. Простужусь и умру от пневмонии раньше, чем от потери крови.

- Тебя не жалко. А вот я до пенсии работала не для того, чтобы меня топили как Муму на "Титанике"!

- Эта... один раз привез в ваш двор картошку...

- ... или в рабство к древним римлянам – у них домофонов тоже не было!

- Нам – уборщицам, надо памятники при жизни ставить, а не убивать в каждом рассказе!

- Короче, я правильно понял – Светы дома нет?

И тут, сквозь шум и крики продрался одинокий злобный шепот:

- Сантехника надо вызывать! Он этого субчика мигом на место поставит.

В трубке наступила мертвая тишина. Потом, то один, то другой голос подтвердил:

- Точно! Пускай с ним сантехник разбирается. Сантехник и не таких в чувство приводил.

Голоса множились и усиливались, обрастали эхом и постепенно слились в единую речевку, наподобие футбольной фанатской:

- Сантехник! Сантехник! Сантехник!

Внезапно все разом стихло. Послышались тяжелые уверенные шаги. В трубку дыхнули, осведомились:

- Сто одиннадцатая? Сантехника вызывали?

- Да...- прошептал я.

- Открывайте.

Я онемевшим пальцем надавил нужную кнопку, открыл входную дверь и замер в ожидании.

Вскоре дверь распахнулась. На пороге замерла величественная фигура человека. Вокруг головы светился нимб.

- Здравствуйте,- прогремел величественный баритон.

- Ы... Ы... Ы...

- А что это вы без света сидите?- он нашарил на стене выключатель, щелкнул.

В электрическом освещении великий и ужасный сантехник смотрелся совсем не страшно – очень похожий на обычного человека.

- Заявок много, приходится работать сверхурочно. Еле дошла до вас очередь,- хитро усмехнувшись, сказал он.

Ну да, конечно. Зубы заговариваешь. А то я не знаю, почему ты пришел!

- Вы сами кран в ванной устанавливали?- спросил он через двадцать минут, вытирая руки и отказавшись от жертвоприношения в виде полного стакана.- Шланг перекрутился. Аккуратнее надо, внимательнее. За угощение, конечно, спасибо, только – не пью.

Он прошелся по квартире, оглядывая батареи – на всякий случай, раз уж пришел. Мельком глянул на экран монитора, усмехнулся чему-то. И пошел на выход.

- Если снова потечет – звоните в домоуправление. Приду без очереди. Но – не должно.- сказал он на прощание и вышел.

Замок на двери сухо щелкнул. Я облегченно перевел дыхание, закрыл в изнеможении глаза. А когда открыл вновь, вздрогнул – передо мной опять стоял сантехник. Его глаза светились загадочным светом, нимб над головой медленно вращался.

Он всмотрелся в мои глаза, тихо, но внушительно сказал:

- С героями тоже нужно быть внимательнее и аккуратнее. Это вам повезло, что меня позвали. А ведь могли бы и электрика... а он у нас церемониться не станет... терпеть не может графоманов...

Сантехник ушел, просочившись сквозь закрытую входную дверь, а я сел на кухне у открытого окна, достал из забытой заначки пачку пересохших сигарет и принялся пускать кольца в звездное небо. Тут зазвонил домофон:

- Курить есть?- спросил давно знакомый хриплый голос.

- Заходи,- ответил я.- Найдется.